

«Археологической хронике» отмечает: «Теперь очевидно, что дворец Фив был самым крупным из всех микенских дворцов. В то же самое время является несомненным, что этот дворец был несколько более ранним по времени, чем остальные дворцы; он был разрушен в результате сильного пожара и превратился в руины, не подвергаясь ограблению»⁴¹.

Лазурит, из которого изготовлены почти все цилиндры-печати, — камень негретического происхождения. Большое количество аметиста, оникса и агата, а также драгоценные камни, слоновая кость, стекловидная паста и хрусталь, найденные в помещении дворца (может быть в царских мастерских), — все это указывает на ввоз этих товаров в Кадмею из восточных стран, а также из Египта.

Стены обоих дворцов покрыты фресками: в первом дворце — изображения жещин в голубой одежде, участниц священной процессии; во втором дворце найдены многочисленные мелкие фрагменты рыб, плавающих в море; это скорее всего напоминает фрески минойского Крита, но для ранних периодов микенского времени (III A и B) это очень характерные темы. С этими критскими мотивами живописи согласуются выводы Сп. Маринатоса о том, что во дворцах Пелопоннеса (после гибели города Илики на о-ве Фере и опустошения разрушенных дворцов на Крите) критские мастера стали учителями греков.

Возможно, что слоговое письмо *B* впервые было применено именно в Фивах, как в первом дворце на территории южных Балкан. Широкие связи не только с Критом, но и островами (особенно, может быть, с Кипром, Финикией и Сирией) выделяют Фивы по богатству своего инвентаря и роскоши «тронного» зала из всех остальных известных нам микенских дворцов.

К. М. Колобова

THE CYLINDER SEALS FOUND IN THEBES AND THE CADMUS DEBATE

by K. M. Kolobova

In Thebes in 1963, while the ground was being prepared for laying the foundations of a large house near the modern marketplace, remains of classical walls were found and, in the south-western part of the site, the eastern and northern walls of a Theban palace of the Mycenaean epoch (built somewhat earlier than the other palaces of this epoch found in Greece) which had been destroyed by fire. From the débris of the collapsed the second storey of the palace gold, agate and ivory jewelry, weapons and vases of bronze, and semi-precious stones were recovered. Oriental cylinder seals were also found, some of them Theban. Near the ancient gates of Proteus, besides bronze weapons and bridles, seven clay tablets were found with the name *Pe-pi-te-me-no-jo* inscribed on them in Linear B.

Opinions have differed regarding the authenticity of the inscribed lapis lazuli cylinder seals bearing a representation of the Kassite king of Babylon, Burnaburiash, and the origin of these seals is debated (J. Nougayrol, E. Porada, N. Platon, E. Weidner, L. R. Palmer, O. R. Gurney, E. Grumach, A. Falkenstein, F. M. Ahl, L. A. Stella and others). Some have questioned the origins and even the existence of Cadmus, and so far this problem has not been solved. The presence of ornaments made of lapis lazuli, agate, amethyst, onyx, precious stones, glass paste and ivory suggests economic ties with the Orient and Egypt.

The walls uncovered during the first (the work of the late A. Keramopoulos) and second excavations of the palace are decorated by frescoes showing Cretan influence. It now seems that the palace of Thebes may have been the largest of all the Mycenaean palaces (Sp. Marinatos). The excavations have also uncovered ivory columns and fragments of the throne of a βασιλεύς and two legs belonging to this armchair-throne of lapis lazuli, the binding of which is decorated by gold ornaments. This seems to accord with the opinion of Sp. Marinatos, who has suggested that after the volcanic eruption on the island of Thera, which lies not far from Crete, the Cretan

⁴¹ Sp. Marinatos, Thebes, «Athens Annals of Archaeology», № 1, 1968, стр. 16.

artisans left their country and became teachers to Greek artisans in the Peloponnese and also, perhaps earlier, in Boeotia.

The part of modern Thebes in which the palace was found is densely populated and the considerable cost of moving the people elsewhere puts great difficulties in the way of further excavation.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ ГОРОДА КЕРКИНИТИДЫ

«Немногие маленькие города вызвали по отношению к себе такое непропорциональное количество споров, как Керкинитида» (Е. Н. Minns, *Scythians and Greeks*, стр. 490)

Вопрос о тождестве Керкинитиды, упоминаемой Гекатеем Милетским (фр. 153) и Геродотом (IV, 55 и 99), с Керкинитидой более поздних письменных, и в частности эпиграфических, источников (IOSPE, I², 352, 401; Arr., PPE, § 30; Anon., PPE, § 83), локализовавшейся в некоторых вариантах в районе современной Евпатории, долгое время был спорным¹, и еще не так давно в научной литературе высказывалось мнение, что это были два разных города, первый из которых находился вне Крыма². Такая точка зрения была обусловлена определением Керкинитида как «города скифского» у Гекатея, трудностью локализации этого города по Геродоту, недостаточной изученностью находок эпохи Гекатея (VI—V вв. до н. э.), происходящих из окрестностей Евпатории³, а также нижних слоев самого Евпаторийского городища, где сейчас с наибольшим основанием помещается Керкинитида. Кроме того, разница в названии сама по себе оставляла место для сомнения.

Убедительным аргументом против гипотезы «двух Керкинитид» явилось открытие раскопками М. А. Наливкиной на Евпаторийском городище слоя рубежа VI—V вв. до н. э.⁴ Другие аргументы, подрывающие основы этой гипотезы, выдвигались учены-

¹ См., например, П. О. Бурачков, О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах ему принадлежащих, ЗООИД, IX, 1875, стр. 119; он же, Опыт соглашения открытой в Херсонесе надписи с природою местности и сохранившимися у древних писателей сведениями, относящимися ко времени войн Днофанта, полководца Митридата, со скифами, ЗООИД, XII, 1881, стр. 244; А. В. Орешников, Материалы по древней пумизматике Черноморского побережья, М., 1892, стр. 3—4.

² С. А. Жебелев, Скифский рассказ Геродота, СП, стр. 314; он же, Херсонесская присяга, СП, стр. 219, 230, 231, 238; М. А. Наливкина, О некоторых памятниках античной эпохи Северо-Западного Крыма, СА, VI, 1940, стр. 107; В. Ф. Гайдукевич, рец. на кн. Г. Д. Белова «Херсонес Таврический», ВДИ, 1949, № 3, стр. 144; он же, Боспорское царство, М.—Л., 1949, карта в конце книги; он же, Очерк истории, сб. «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1955, карта между стр. 24 и 25; «Очерки истории СССР, Первобытно-общинный строй древнейшие государства на территории СССР», М., 1956, карта между стр. 344 и 345.

³ См. о них: Н. Ф. Романченко, К вопросу о древнем поселении вблизи Евпатории, АИЗ, I, 1894, стр. 9—15; он же, Материалы по археологии Евпаторийского у., ЗРАО, VIII, 1—2, новая серия, 1896, стр. 219—236; он же, Раскопки в окрестностях Евпатории, ИАК, 25, 1907, стр. 172—187; Л. А. Моисеев, Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории, ИТУАК, 54, 1918, стр. 250 сл.; В. Ф. Штифтар, П. Я. Ченурин, Евпатория-Каркинитида как часть Херсонесского округа, Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10—13 сентября 1927 г., Севастополь, 1927, стр. 35; А. И. Тюменев, Херсонесские этюды, VI, Херсонес и Керкинитида, ВДИ, 1955, № 3, стр. 38.

⁴ М. А. Наливкина, Раскопки в Евпатории, РСННМР, 58, 1955, стр. 64; она же, Херсонес и Керкинитида в «Херсонесских этюдах» А. И. Тюменева, ПСЭИДМ, стр. 288 сл.

ми и до раскопок М. А. Наливкиной, и после них, но никогда не сводились воедино. Необходимо вкратце сделать это, прежде чем перейти к главному нашему вопросу — о названии города, чтобы с полным правом говорить о названии одного города, а не двух, и чтобы затем, предложив возможное объяснение этого названия, использовать и его как дополнительное подтверждение существования единой, западнокрымской Каркинитиды-Керкинитиды, что при настоящем состоянии вопроса ⁵ не будет излишним.

Прежде всего, слова Гекатея о «скифской» Каркинитиде не следует понимать буквально. Как справедливо отметил Б. Н. Граков, у Гекатея все, что соседствовало со Скифией, могло получить название скифского ⁶.

Представлению о Геродотовой Каркинитиде как о скифском городе противоречит уже то, что сам Геродот дважды (IV, 46 и 127) говорит об отсутствии у скифов городов или укреплений. Надо заметить, что в отношении Крыма Геродотовой эпохи, и в частности — северо-западного его побережья, эти сведения отца истории вполне согласуются с археологическими данными ⁷.

В первом упоминании о Каркинитиде Геродот (IV, 55) сообщает, что река Гипакирис, протекая «среди земли» скифов-кочевников, впадает в море *κατὰ Καρκινίτιν πύλιν*. Обычно последние слова переводят «около города Каркинитиды» ⁸, а за Гипакирис принимают речку Каланчак (западнее Перекопа) ⁹. Чтобы примирить противоречия, ведущие к представлению о двух Керкинитидях, Б. Н. Граков предложил переводить *κατὰ* словом «против» ¹⁰, что грамматически также допустимо. Этим он получил возможность поместить Каркинитиду не у устья Каланчака, а как бы «напротив» него и отождествить ее с Керкинитидой-Евпаторией. На местности же такое соотношение реки с городом выглядит крайне натянутым: между ними вклинивается полуостров Тарханкут. Но подходящей реки в Крыму не видели.

Однако еще в конце прошлого века П. Н. Кречетов, а за ним первый исследователь Керкинитиды Н. Ф. Романченко доказывали, что наиболее вероятно понимать под Гипакирисом находящееся в 30 км к северо-западу от Евпатории и отделенное от моря пересыпью озеро Донузлав ¹¹. В настоящее время к этой точке зрения близки М. И. Артамонов и Л. С. Клейн, полагающие, что Гипакирис — это или Донузлав, или же Каркинитский залив ¹². А. И. Тюменев, который не задавался вопросом о локализации Гипакириса, убедительно показал, что оба упоминания Каркинитиды Геродотом исключают возможность поисков ее вне Крымского полуострова ¹³. Принимая это положение, мы должны исключить и возможность поисков Гипакириса вне Крыма.

В пользу отождествления Гипакириса с Донузлавом, которое я считаю несомненным, говорит мнение гидрогеологов, что Донузлав представляет собой погруженное

⁵ См. Н. А. О н а й к о, Обсуждение докладов на конференции, посвященной процессу исторического развития античных государств Северного Причерноморья, ПИСП, стр. 292.

⁶ Б. Н. Г р а к о в, Термин *Σκυθία* и его производные в надписях Северного Причерноморья, КСИИМК, XVI, 1947, стр. 84. Этого не учел А. Н. Щеглов, заключивший из слов Гекатея, что город вскоре после своего основания попал в зависимость к скифам (А. Н. Щ е г л о в, Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху, АИКСП, стр. 334).

⁷ О. Д. Д а ш е в с к а я, Вопрос о скифах на северо-западном побережье Крыма в свете новых данных, «Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии (Москва — 1967)», М., 1966, стр. 56.

⁸ В. В. Л а т ы ш е в, SC, I, 4, 1893, стр. 24; Г е р о д о т, История, пер. Ф. Мищенко, т. I, М., 1888, стр. 328.

⁹ С. А. С е м е н о в - З у с е р, Скифская проблема в отечественной науке, Харьков, 1947, стр. 34.

¹⁰ Б. М. Г р а к о в, Скифы, Київ, 1947, стр. 8—9.

¹¹ П. Н. К р е ч е т о в, О реке Гипакирисе и местоположении города Каркинита, ЗООИД, XV, 1889, стр. 472 сл.; Р о м а н ч е н к о, Раскопки в окрестностях Евпатории, стр. 187.

¹² М. И. А р т а м о н о в, Этногеография Скифии, «Уч. зап. ЛГУ», серия ист. наук, 13, 1949, стр. 173 сл.; Л. С. К л е й н, Территория и способ погребения кочевых скифских племен по Геродоту и археологическим данным, АСГЭ, 2, 1961, стр. 46.

¹³ Т ю м е н е в, Херсонесские этюды, VI, стр. 41.

низовые речной долины¹⁴. Это озеро-залив, имеющее длину 25 км и очень широкое устье могло быть названо Геродотом в числе рек Скифии, «доступных для судов с моря» (IV, 47), тем более, что оно отличается огромной глубиной, делающей его доступным (после прорытия в 1962 г. канала через пересыпь) даже для современных океанских теплоходов.

У поздних авторов, использовавших сведения Геродота, мы встречаем город Каркину на реке Каркините (Ptol., III, 5, 13), Ипакаре (Pomp. Melae, II, 4) или Пакирисе (Plin., HN, IV, 84). В свое время Ф. К. Брун и В. В. Латышев определили, что Каркинит идентичен Гипакирису¹⁵. С этим согласны и комментаторы последнего издания «Известий древних писателей о Скифии и Кавказе». Но они то придерживаются традиционного отождествления этой реки с Каланчаком (ВДИ, 1948, № 2, стр. 238, прим. 13), то вслед за некоторыми старыми исследователями принимают за Гипакирис-Каркинит речку Конку, опять-таки вне Крыма (ВДИ, 1949, № 2, стр. 281, прим. 3). Между тем А. И. Соболевский уже давно высказал вполне убедительное мнение, что Каркинит — это Донузлав¹⁶, с чем согласился П. Н. Шульц, считающий, однако, Каркину скифо-сарматской¹⁷. Особенно примечательно в этой связи, что Птолемей (III, 5, 2), описывая береговую линию Понта от устья Борисфена, помещает устье реки Каркинита после Прекрасной Гавани и Тамираки.

Итак, единственно правдоподобным представляется отождествление Гипакирис — Каркинит — Донузлав, почти окончательно лишшающее почвы гипотезу о «двух Керкинитидах».

Переходя теперь непосредственно к вопросу о происхождении названия города, необходимо сначала обратить внимание на тот давно известный, но не получивший еще должного комментария факт, что на монетах этого города (находимых, кстати сказать, преимущественно в Евпатории и около нее) название его встречается в тех же двух вариантах, что и в письменных источниках, причем в той же (не считая поздних повторений) хронологической последовательности¹⁸. На наиболее ранних монетах (середины и второй половины IV в. до н. э.) имя города стоит в сокращении КАРК, КАР-КІ, КАРКІNІ, а на остальных (III — начала II в. до н. э.) — КЕР, КЕРКІN¹⁹. Отсюда следует бесспорный вывод, что Каркинитида и Керкинитида — это название одного и того же города, которое с течением времени, где-то на рубеже IV и III вв. до н. э., претерпело изменение второй буквы. В лапидарной эпиграфике мы знаем его написание через Е в начале III в. до н. э. (Херсонесская присяга — IOSPE, I², 401) и в конце II в. до н. э. (декрет в честь Диофанта — IOSPE, I², 352).

Откуда же ведет свое начало это слово — *Καρκινίτις*, *Κερκινίτις*?

Еще в середине прошлого века на этот вопрос пытался ответить Б. В. Кене, усматривавший в названии города финикийский корень²⁰. Такую мысль допускал и

¹⁴ А. Ф. С л у д с к и й, Древние долины реки Салгир, ИКОГО, 2, 1953, стр. 33—34; В. П. З е н к о в и ч, Берега Черного и Азовского морей, М., 1958, стр. 82; он же, Морфология и динамика советских берегов Черного моря, II, М., 1960, стр. 156, 192 сл.

¹⁵ Ф. Б р у н, Черноморье, II, Одесса, 1880, стр. 47; В. В. Л а т ы ш е в, Почти, СПб, 1909, стр. 403.

¹⁶ А. И. С о б о л е в с к и й, Топонимические заметки, ИТОИАЭ, III, 1928, стр. 1.

¹⁷ П. Н. Ш у л ь ц, Евпаторийский район, сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», М.—Л., 1941, стр. 271.

¹⁸ Вначале надпись на монетах через А вызывала сомнение в их подлинности (В. Н. Ю р г е в и ч, Псифисм древнего города Херсониса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Мифрадата Евнатора, ЗООИД, XII, 1881, стр. 30—31, прим. 13), а затем уже оба написания были сопоставлены с письменными источниками (О р е ш н и к о в, ук. соч., стр. 6).

¹⁹ А. Н. З о г р а ф, Античные монеты, МИА, 16, 1951, стр. 160—161. В отличие от А. Н. Зографа я привожу сокращение КЕРКІN, а не КЕРКІ, поскольку легенда найденной при раскопках А. Н. Карасева на городище Чайка в 1964 г. (п. о. № 834), монеты, совпадающей с приводимой А. Н. Зографом (табл. XXXVIII, 17), дает право дополнить сокращение.

²⁰ Б. К е н е, Описание музеума кн. В. В. Кочубея, I, СПб, 1857, стр. 109.

П. О. Бурачков, «если последующие разыскания докажут существование в Каркинитесе и Кремнах финикийской торговли до водворения греков на берегах Понта Евксинского»²¹. Наряду с этим он писал, что Каркинитиды названа «по имени залива или племени *Καρκινίται*, о котором упоминает Стефан Византийский» (там же, стр. 129). Однако у последнего (s. v.) каркиниты — не племя, а жители Каркинитиды, т. е., наоборот, их наименование является производным от названия города. По предположению М. И. Ростовцева, греки унаследовали имя своего города от ранее существовавшего (скифского?) поселения²². Попытки объяснить название города делались и его исследователями — Л. А. Моисеевым и М. А. Наливкиной, но ни одну из этих гипотез нельзя признать правомерной. В обоих случаях предметом анализа служит название города в поздней его форме — *Καρκινίτις*, что методически неправильно.

Л. А. Моисеев предположил, что это слово может происходить от наименования племени керкетов, или торетов, живших, судя по свидетельствам древних авторов, на северо-востоке, кавказском берегу Черного моря. В слове *Τορέται* Л. А. Моисеев считал возможным видеть измененное *Ταυρίται* и на этом основании допускал, что племя керкетов могло некогда жить в Таврике, откуда затем оно было вытеснено скифами²³. Гипотеза Л. А. Моисеева относительно названия Керкинитиды была позднее повторена В. Д. Блаватским (обратившим внимание вместе с тем на сходное название в греческой топонимике)²⁴, а совсем недавно использована А. Н. Щегловым для доказательства родства тавров с сатархами²⁵. Последний факт показывает, что старое представление о негреческом происхождении названия Керкинитиды бытует и сегодня. Между тем даже само тождество торетов с керкетами, которое могло бы дать более чем шаткую основу для построений Л. А. Моисеева и его последователей, опровергается объективным анализом письменных источников, показавшим, что большинство древних авторов²⁶ различает эти племена²⁷.

Справедливо критикуя гипотезу Л. А. Моисеева, М. А. Наливкина в свое время предложила не лучшее толкование. В названии Керкинитиды, которое, по ее мнению, является не греческим, а местным, племенным, тотемным, воспринятым появившимися здесь греками, она пыталась усмотреть яфетический корень *ker-k*, переводимый как «кабан» и т. п.²⁸. Такой подход М. А. Наливкиной к вопросу о названии города стоит в связи с ее убеждением, что Керкинитиды возникла на месте догреческого поселения²⁹. Это заключение основывается на находках там чернолощеной керамики с гребенчатым орнаментом, которая, однако, стала нам известна на городищах Северо-Западного Крыма в слоях III в. до н. э. и теперь вообще не может привлекаться как признак поселений догреческого периода³⁰.

Между тем, если мы обратимся к греческому языку³¹ и, естественно, начнем нашу попытку понять этимологию названия города с анализа первоначальной его формы —

²¹ Бурачков, О местоположении древнего города Каркинитеса..., стр. 128.

²² М. И. Ростовцев, О необходимости немедленного расследования античных остатков около нынешней Евпатории и о желательности основания местного музея в Евпатории, Евпатория, 1916, стр. 3.

²³ Моисеев, ук. соч., стр. 247.

²⁴ В. Д. Блаватский, Процесс исторического развития античных городов в Северном Причерноморье, ПИСП, стр. 9. См. ниже прим. 31.

²⁵ Щеглов, ук. соч., стр. 333.

²⁶ Ps.-Scyl., 73, 74; Dion. Periegr., 652—710; Rom. Melae, I, 110; Plin., HN, VI, 17.

²⁷ В. В. Латышев, История Восточного царства, Повтхз, стр. 64—65; Г. А. Меликишивили, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, стр. 88 сл.; И. Б. Брашинский, К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху, АИКСР, стр. 64.

²⁸ М. А. Наливкина, Северо-западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации, ПИДО, 1934, 9—10, стр. 161—162.

²⁹ М. А. Наливкина, Торговые связи античных городов Северо-Западного Крыма (Керкинитиды и Калос Лимен в V—II вв. до н. э.), ПИСП, стр. 184.

³⁰ О. Д. Дашевская, О таврской керамике с гребенчатым орнаментом, СА, 1963, № 4, стр. 208—209.

³¹ Еще Н. Ф. Романченко, хотя и не занимался этимологическими изысканиями, считал название города Керкинитиды греческим, находя родственные ему географиче-

Καρκινίτις, то увидим, что оно имеет явно греческий корень: καρκίνος по-гречески значит «рак», «краб». Сходного же имени нарицательного, которое бы соответствовало поздней форме имени города, в греческой лексике мы не находим.

Вывести происхождение названия Каркинитиды от слова «краб» было бы нетрудно. Как мы могли убедиться, проводя археологические экспедиции в районе Евпатории, море здесь и сейчас богато крабами и при раскопках на античных городищах постоянно попадаются клешни крабов. Но против подобного пути доказательства нас предостерегает та отмеченная С. А. Жебелевым закономерность, что «в ономастике греческих городов почти не встречаются такие названия их, которые можно было бы с полной уверенностью ставить в связь с названиями из области зоологического мира». Довольно частыми же являются названия, восходящие к личным именам. Так, на Боспоре ряд городов и поселений получили свое наименование от имен ойкистов³².

Греческое имя Καρκίνος неоднократно засвидетельствовано античными источниками. Такое имя носили три греческих писателя: Каркин из Навпакта (Paus., X, 38, 11), трагедиограф Каркин (Arist., Poet. 16, 17; IG, II, 971) и, наконец, еще один драматург, смысл имени которого дал повод его современнику Аристофану для каламбура в финале комедии «Осы»³³. Фукидид (II, 23, 2) называет имя афинского стратега в Пелопоннесской войне Каркина, сына Ксенотима. Ксенотим, сын Каркина, — вероятно предыдущего, — упоминается Исократом (Trapez. § 51). Все перечисленные данные относятся к V — первой половине IV в. до н. э.

Греческие надписи IV в. до н. э. сохранили нам и имя Καρκίνος: Керкин из Византии и Керкин из Гераклеи Понтийской (IG, VII, 2478 и 2531). Это же имя отиснуто на горлах гераклейских амфор второй половины IV—III в. до н. э.³⁴, нацарапано на донышке сероглиняного килика IV—III вв. до н. э.³⁵, выбито на монете Аполлонии Иллирийской 229—100 гг. до н. э.³⁶.

Наше предположение, что имя Καρκίνος явилось более поздней формой от Καρκίνος, подкрепляется рассмотренной выше параллельной эволюцией названия города, что, в свою очередь, говорит в пользу происхождения последнего от человеческого имени, а не от нарицательного, которое, не претерпев изменения, дожило до наших дней в новогреческом языке. Причину замены одной буквы в имени, лишавшей его определенной осмысленности, надо, видимо, искать в евфемии, столь свойственной психологии древних греков. Ведь кроме членистоногого, что изощренно обыграл Аристофан в насмешках над Каркином, слово καρκίνος уже в древности стало означать губительную болезнь³⁷.

Все изложенное выше приводит к заключению, что название города Каркинитиды (позже — Керкинитиды) берет свое начало от имени ее ойкиста — некоего Каркина.

Откуда же привел колонию на северо-западное побережье Таврики неведомый Каркин? О том, каким из центров греческой колонизации основана Каркинитиды, не сохранилось, в отличие от других колоний Северного Причерноморья, каких-либо письменных данных. После того как был оставлен базирующийся на недоразумении

ские названия в греческом мире: остров и город Κέρκινα в заливе Малый Сирт у Северной Африки (Plu t., Dio., XXV), остров Καρκινίτη у берегов Лидии (Ромащенко, Материалы по археологии Евпаторийского у., стр. 231). К этому можно добавить в Македонии гору Καρκίνη (Th u c., II, 98) и озеро Καρκινίτις в низовьях р. Стримона выше Амфиополя (A g g., Ap. I, 11, 3).

³² С. А. Жебелев, Откуда ведет свое происхождение название «Мирмекий», СП, стр. 304—307.

³³ Aristof., Vesp. 1502—1512; Pax 781; ср. Dio d., V, 5; IG, II, 977.

³⁴ Б. Н. Граков, Английские клейма на горлах некоторых эллинистических амфор, Тр. ГИМ, I, 1926, стр. 182 сл.

³⁵ Б. Н. Граков, Каменское городище на Днепре, МИА, 36, 1954, стр. 82, 89, табл. VIII, 3.

³⁶ P. S. Poole, Catalogue of the British Museum, Thessaly and Aetolia, L., 1883, стр. 57, № 21.

³⁷ Это второе значение засвидетельствовано впервые Гиппократом (Epid. V, 101), а затем Демосфеном (798, 23).

взгляд на Каркинитиду как на апойкию Херсонеса, возникло предположение, что здесь была колония какого-то из ионийских полисов³⁸. Но эта гипотеза, безоговорочное повторение которой³⁹ по меньшей мере преждевременно, не более аргументирована, чем гипотеза об ионийском происхождении Херсонеса, в раннем слое которого, как и в Каркинитиде, находят ионийскую керамику⁴⁰.

Вернувшись теперь к предмету нашей статьи, приведем наблюдение Б. Н. Гракова, что имя *Κερκίτιος*, вообще чрезвычайно редкое, обычно для гераклейских амфорных клейм и ни на каких других клеймах не встречается. Б. Н. Граков считает его свойственным мегарским черноморским колониям⁴¹. Это мнение заслуживает особого внимания и заставляет вспомнить о метрополии Херсонеса Таврического — Гераклея Понтийской⁴².

Дошедшие до нас сведения древних авторов о колонизационной деятельности Гераклеи ограничиваются указанием на два пункта — Каллатию и Херсонес (Ps.-Scymn., 764—764, 822—830)⁴³.

Любопытно, что возражая против довольно закономерного предположения М. И. Ростовцева, согласно которому Гераклея, основывая Херсонес, стремилась получить прежде всего чрезвычайно нужную ей гавань для вывоза хлеба из крымских степей⁴⁴, А. И. Тюменев писал: «Если бы гераклейцы действительно ставили себе такую цель, они основали бы колонию не в Херсонесе, а на месте Керкинитиды или где-нибудь в другом пункте западного побережья Крыма»⁴⁵.

Не подспел ли тем самым А. И. Тюменев близко к истине и нельзя ли допустить мысль, что гераклеоты основали и Каркинитиду? Поскольку письменные источники ответа не дают, посмотрим, что говорят археологические данные.

Установленная археологическими изысканиями дата основания Каркинитиды (рубеж VI—V вв. до н. э.)⁴⁶ примерно совпадает с датой основания Каллатии или непосредственно за ней следует.

³⁸ Тюменев, Херсонесские этюды, VI, стр. 41.

³⁹ В. И. К а ц, О роли торгового фактора в возникновении Херсонеса Таврического, «Уч. зап. МОПИ», 121, истфак, вып. 5, 1965, стр. 125; Щ е г л о в, ук. соч., стр. 333.

⁴⁰ См. Тюменев, Херсонесские этюды, I. К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса, ВДИ, 1938, № 2, стр. 246, 264; Г. Д. Белов, Херсонес Таврический, Л., 1948, стр. 64; В. Д. Блаватский, рец. на кн. Г. Д. Белова «Херсонес Таврический», ВДИ, 1949, № 3, стр. 146; Н а л и в к и н а, Торговые связи..., стр. 184—185. Гипотезу А. И. Тюменева об «ионийской» Керкинитиде подвергает сомнению и В. В. Лапин (В. В. Лапин, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Киев, 1966, стр. 83).

⁴¹ Граков, Эпиграфические клейма..., стр. 182; он же, Каменское городище на Днепре, стр. 82.

⁴² Нельзя, с другой стороны, игнорировать то обстоятельство, что в ранней своей форме интересующее нас имя, как видно из приведенных выше данных, известно вне сферы Мегар: в Афинах, Навпакте.

⁴³ С. А. Жебелев, Возникновение Херсонеса Таврического, СП, стр. 77 сл.; Тюменев, Херсонесские этюды, I, стр. 247 сл.; Т. В. Блаватская, Западно-понтские города в VII—I веках до н. э., М., 1952, стр. 30 сл.

⁴⁴ М. И. Ростовцев, Эллинаство и иранство на юге России, Пг., 1918, стр. 80—81. Земледельческий характер экономики Гераклеи и ее колоний подчеркивает Т. В. Блаватская (ук. соч., стр. 36).

⁴⁵ Тюменев, Херсонесские этюды, I, стр. 248.

⁴⁶ М. А. Наливкина, Керкинитиды и Калос Лимен (некоторые итоги изучения), сб. «Античный город», М., 1963, стр. 55 сл. Эта дата, если она будет принята за начало гераклейской колонизации западного побережья Крыма, должна учитываться в вопросе о времени освоения греческими моряками краткого пути через Черное море. Мнение о том, что прямые рейсы между южным берегом Черного моря и Крымом (при которых гераклеотам чрезвычайно важно было иметь свою гавань на западном берегу Крыма, см. М. И. Максимова, Античные города Юго-Восточного Причерноморья, М., 1956, стр. 156) совершались уже в первой половине V в. до н. э., т. е. до возникновения Херсонеса, убедительно высказано В. Ф. Гайдукевичем в недавно опубликованной его статье (В. Ф. Гайдукевич, О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском, КСИА, 116, 1969, стр. 16 сл.).

Среди найденных при раскопках Керкинитида керамических клейм IV в. до н. э. (наиболее ранних из всех имеющихся) преобладают гераклейские ⁴⁷. Появление гераклейских амфор в скифских курганах Крыма ⁴⁸ С. Ф. Стрелецкий объяснил импортом из Гераклеи через посредничество Керкинитиды и при этом высказал мысль, что в V—IV вв. до н. э., «вероятнее всего, основное экономическое влияние на указанный район Крыма принадлежало еще самой Гераклее Понтийской, для которой Херсонес и Керкинитида служили опорными пунктами» ⁴⁹.

В свое время А. В. Орешников, а вслед за ним и А. Н. Зограф указывали на сходство одного из ранних типов монет Керкинитиды (по Зографу — 30-е годы IV в. до н. э.) с монетами Гераклеи Понтийской ⁵⁰. Объясняя родственность монетных типов Гераклеи и Херсонеса влиянием метрополии на колонию и наблюдая ту же родственность между монетами Гераклеи и Керкинитиды, А. В. Орешников сначала писал, что «заимствование Керкинитидою типа монеты у Гераклеи покуда объяснимо быть не может, так как до нас не дошло никаких подробностей, кем была основана Керкинитида», а далее прямо ставил вопрос, не служила ли Керкинитида «первоначальным местом поселения для гераклейских колонистов» ⁵¹.

А. В. Орешников имел в виду монеты с изображением головы Тюхе в башенном венце, украшенном пальметтами и кружками. Позже стал известен еще один ранний тип монет Керкинитиды (второй половины IV в. до н. э.), с головой Геракла в львиной шкуре на лицевой стороне и орлом на молнии — на оборотной ⁵². Изображение эпонимного героя Гераклеи на монете Керкинитиды безусловно является заимствованным, как это имело место и в Херсонесе ⁵³.

При настоящем состоянии нумизматического материала, с одной стороны, и отсутствии точной даты установления херсонесского господства в Северо-Западном Крыму, — с другой, приходится думать и о том, не было ли здесь влияние Гераклеи опосредствовано через Херсонес, но маловероятно, чтобы чеканка монеты в Керкинитиде началась лишь после подчинения ее Херсонесу ⁵⁴.

⁴⁷ Наливкина, Торговые связи..., стр. 188 сл.

⁴⁸ Т. Н. Троицкая, Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в областном краеведческом музее, сб. «История и археология древнего Крыма», Киев, 1957, стр. 178 сл., рис. 4 и 5; О. А. Махнева, Находка гераклейских амфор в Крыму, СА, 1969, № 4, стр. 257 сл.; О. А. Махнева, И. А. Баранов, Гераклейские амфоры из Южного Приисавья, Археологические исследования на Украине в 1967 г., вып. II, Киев, 1968.

⁴⁹ С. Ф. Стрелецкий, Основные этапы экономического развития и периодизации истории Херсонеса Таврического в античную эпоху, ПИСП, стр. 73. Этот вывод для нашей темы очень интересен, однако приведенная аргументация в отношении Керкинитиды является уязвимой, так как ввоз вина из Гераклеи к скифам мог идти через Херсонес. Более определенным и ярким свидетельством непосредственных торговых связей Керкинитиды с Гераклеей Понтийской (помимо находок гераклейских амфор на Евпаторийском городище) может служить затонувший в IV в. до н. э. у берегов Керкинитиды (близ оз. Донузлав) корабль, груженный гераклейским вином. См. В. Д. Блаватский, Б. Г. Петерс, Подводные работы на дне Черного моря около Донузлава, «Археологические открытия 1965 г.», стр. 132; они же, Подводные археологические работы в районе Евпатории, КСИА, 109, 1967; они же, Кораблекрушение конца IV — начала III в. до н. э. около Донузлава, СА, 1969, № 3; Б. Г. Петерс, Морское дело в древней Греции, Автореф. канд. дисс., М., 1968, стр. 17—18.

⁵⁰ Орешников, ук. соч., стр. 6—7, табл. I, 1, 2; Зограф, ук. соч., стр. 161; E. V a b e l o n, Th. R e i n a c h, Recueil général de monnaies grecques d'Asie Mineure, I, 2, P., 1908, табл. IV, 26—34.

⁵¹ Орешников, ук. соч., стр. 7; см. также Романченко, Материалы по археологии Евпаторийского у., стр. 231.

⁵² Романченко, Раскопки в окрестностях Евпатории, стр. 187, рис. 31; Зограф, ук. соч., стр. 161, табл. XXXVIII, 19.

⁵³ Зограф, ук. соч., стр. 147.

⁵⁴ Общепринятая дата подчинения Керкинитиды Херсонесу — конец IV в. до н. э., т. е. время, непосредственно предшествующее созданию Херсонесской присяги. Обстоятельства, при которых херсонеситы стали управлять (в присяге упоминают «управляют») Керкинитидой, неизвестны. Судя по тому, что, будучи под властью Херсонеса, Керкинитида вплоть до середины II в. до н. э. (до захвата ее скифами) выпуска-

Самого серьезного внимания заслуживает дорийский диалект единственной найденной в Керкинитиде надписи — эпитафии Амбатии, датированной В. В. Латышевым IV веком до н. э.⁵⁵ Именно она позволила Э. Миннзу предположить, что Керкинитид — дорийский город, старшая «сестра» Херсонеса, имеющая с ним общих основателей⁵⁶. Даже если допустить, что упомянутая надпись может относиться к несколько более позднему времени, чем отселение херсонеситов в Северо-Западный Крым (хотя более вероятно обратное), то значение ее для нас как дорийского памятника не теряется, потому что и после присоединения Керкинитиды к Херсонесскому государству основу греческого населения города несомненно составляли керкиниты.

Учитывая последнее соображение, можно привести в пользу гераклейского происхождения Керкинитиды и особое почитание там Геракла, засвидетельствованное не только приведенными выше монетами, но и находками рельефов с изображением героя в городе и примыкающих к нему поселениях (Мойнаки, Чайка)⁵⁷. Эти факты, несмотря на датировку рельефов III—II вв. до н. э., совсем не обязательно объяснять влиянием Херсонеса, поскольку и Мойнакская усадьба, и городище Чайка, как и Керкинитиды, возникли раньше других известных нам поселений Северо-Западного Крыма (в конце VI или в V в. до н. э.)⁵⁸ и в отличие от них были основаны не Херсонесом, а очевидно общей с ним метрополией.

Может быть, незаслуженно забытая гипотеза наших высокоавторитетных предшественников, к которой они пришли разными путями, будет выглядеть более реальной после объединения их аргументации и некоторого дополнения ее, а наша попытка разобратся в происхождении названия города окажется бесполезной для решения более важного вопроса — определения метрополии, основанной северопричерноморскую колонию Керкинитиду.

О. Д. Дашевская

ON THE ORIGIN OF THE NAME KERKINITIS

by O. D. Dashevskaya

The author argues that the Karkinitis of Hecataeus and Herodotus and the Kerkinitis of later sources (e. g., IOSPE, I², Nos. 401 and 352) are one and the same Greek town (the modern Eupatoria). The Hypakyris, at whose mouth Herodotus locates Karkinitis, is the lake, or firth, Donuzlav in Western Crimea. The prevailing opinion that the town arose on the site of a pre-Greek settlement, and that the root of its name was inherited from the barbarians, is rejected by the author, who thinks that the name is Greek and was taken from the name of the town's oikist, Karkinos. The later name of the town corresponds to the personal name Kerkinos. The change in both the personal name and the town's name may be explained as a *euphemia*, a superstitious avoidance of naming the disease designated by the same word. There are no written sources on the founding of Kerkinitis. The name Kerkinos is found only on Heracleian amphora stamps, and the author, after examining the archaeological, numismatic and epigraphical evidence, puts forward the hypothesis that Kerkinitis was founded from Heraclea Pontica.

ла свою монету, присоединение этого города к Херсонесскому государству было скорее всего мирным. Как видно, почва для такого объединения издавна была благоприятной.

⁵⁵ В. В. Л а т ы ш е в, Эпиграфические новости из Южной России (находки 1901—1903 годов), ИАР, 10, 1904, стр. 18—20; IOSPE, I², 339; G. K i e s e r i t z k y, C. W a t z i n g e r, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, B., 1909, стр. 14, табл. V.

⁵⁶ Е. Н. М и н н с, Scythians and Greeks, Camb., 1913, стр. 491.

⁵⁷ Н а л и в к и н а, О некоторых памятниках античной эпохи Северо-Западного Крыма; А. Н. К а р а с е в, Раскопки у санатория «Чайка» в Евпатории, «Археологические открытия 1965 г.», стр. 117.

⁵⁸ Р о м а н ч е н к о, Раскопки в окрестностях Евпатории, стр. 176 сл.; А. Н. К а р а с е в, Раскопки городища Чайка в Евпатории, «Археологические открытия 1966 г.», стр. 215.

ОПЫТ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ АНТИЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Для правильного уяснения экономических связей античного Причерноморья первостепенное значение имеет проблема экономико-географического районирования этой области в рассматриваемое время. Трудность решения этой проблемы обуславливается многими обстоятельствами. Первое и наиболее существенное из них — сложность самого определения тех критериев, которые должны быть положены в основу такого членения. Здесь возможен различный подход и разные точки зрения, в каждой из которых можно найти как достоинства, так и слабые стороны.

Поэтому предлагаемая ниже схема экономико-географического районирования античного Причерноморья может и должна рассматриваться лишь как опыт, как предварительная попытка решения этого сложного вопроса. Следует также оговорить, что, предлагая новую схему географического членения древнего Причерноморья, мы в данном случае имеем в виду экономические районы, о которых можно говорить применительно к изучению истории экономических связей этой обширной области. Предлагаемая схема ни в коей мере не претендует на универсальность — это требовало бы проверки ее с разных точек зрения многогранной истории античного Причерноморья, что выходит за пределы задач настоящей работы.

В настоящее время в научной литературе, как известно, общепринято условное членение древнего Причерноморья по странам света. Обычно выделяют четыре крупных района: Южное, Восточное, Северное и Западное Причерноморье. Из такого членения и исходят в своей работе исследователи. Такое условно-географическое районирование сложилось в значительной мере на основе современной политической карты Причерноморья. Так, к Западному Причерноморью относят территории, лежащие в пределах Болгарии и Румынии, Южное охватывает земли, входящие в состав Турции, Северное и Восточное — СССР.

На первый взгляд такое районирование античного Причерноморья может показаться оправданным, тем более, что оно представляет несомненные удобства для исследователей той или иной страны. Однако думается, что таковым оно кажется скорее в силу прочно укоренившихся традиционных представлений и, вероятно не в последнюю очередь, привычности современных границ (что естественным образом наложило свой отпечаток и на границы исследовательских работ ученых разных стран). Между тем правильное районирование древнего Причерноморья, несомненно, требует критериев, приложимых именно к античной истории этой области.

Литературные источники, как известно, освещают историю античного Причерноморья крайне неравномерно и фрагментарно. Они не содержат достаточных данных для обоснованного решения поставленного вопроса. Ответ на него в значительной степени может дать археологический материал, в котором важное место принадлежит эпиграфическим и нумизматическим данным. Но археологические исследования на обширных территориях, окружающих Черное море, до сих пор, к сожалению, проводились и проводятся весьма неравномерно. Так, например, все южное побережье Понта — север Малой Азии — еще почти не затронуто раскопками. Планомерное и плодотворное археологическое изучение побережья Колхиды (Юго-Восточного Причерноморья в пределах современной Грузинской ССР) началось лишь в самое последнее время. Что же касается северокавказского побережья Черного моря на значительном протяжении от Новороссийска до Адлера, то оно, если не считать эпизодических разведочных работ, остается до настоящего времени по существу белым пятном на археологической карте. Перечень таких пробелов в археологическом изучении Причерноморья античной эпохи можно было бы и продолжить. Но, несмотря на них, для решения многих проблем накоплен вполне достаточный материал. Уже сейчас можно с основанием утверждать, что принятое условно-географическое районирование античного Причерноморья не отвечает современному состоянию науки и ее требованиям и нуждается в коренном пересмотре. Поясним это хотя бы несколькими примерами.